

Проведя годы в бурном море чиновничьих интриг, Чжоу Гуаньжу не мог не разбираться в тонкостях человеческих отношений. Все его действия были лишь попыткой осторожно прощупать почву и испытать Чу Яо.

В конце концов, подозрения в мятеже с принца Яня до сих пор не были сняты, а сам он бежал в земли Ганьчжоу. Одно это делало ситуацию крайне деликатной.

К тому же главнокомандующий Ганьчжоу Ван Ту происходил из удела Хань, и ходили упорные слухи, что он ведет тайную переписку с беглым принцем. Чжоу Гуаньжу, разделявший с ним бразды правления в округе, волей-неволей оказывался в двусмысленном положении.

И в этот самый момент Наследный принц внезапно прибывает на границу с императорской инспекцией, да еще и с приказом о поимке бунтовщика. Как тут не заподозрить, что Его Высочество явился призвать к ответу и местных чиновников?

Помощник управителя Чжоу намеревался лишь осторожно закинуть удочку, но стоило Чу Яо парой фраз развеять все его опасения, как лицо мужчины заметно посветлело.

— Простите мою поспешность, Ваше Высочество. Я совсем позабыл, как утомительна была ваша дорога, — Чжоу Гуаньжу низко поклонился. — Позвольте пригласить вас в управу. Там уже все готово для скромного пира, чтобы принять вас с подобающим почтением.

Только тогда Чу Яо соизволил взглянуть на него. В его глазах скользнула мягкая улыбка:

— Благодарю за заботу, господин Чжоу, однако мы прибыли по делу государственной важности, и лишний шум нам ни к чему. Расположимся в казенном подворье, это избавит нас от лишней пышности.

Чжоу Гуаньжу только того и желал: чем меньше людей узнает о делах, связанных с принцем Янем, тем спокойнее. Его нахмуренные брови окончательно разгладились:

— Ваше Высочество столь добродетельны и милосердны к подданным. Преданность и восхищение переполняют сердце вашего слуги.

Чу Яо опустил ресницы, издав едва слышный смешок.

Услышать слова признательности от этого упрямого чиновника стоило дорого. Пятнадцать лет назад, когда Император Вуле приказал разрушить дамбу Иньшань, именно Чжоу Гуаньжу строчил один за другим гневные доклады, в которых без конца величал Наследного принца «звездой бедствий, несущей гибель стране».

Впрочем, Чу Яо не собирался припоминать старые обиды.

Обменявшись любезностями, они уже собирались вернуться к экипажу, как вдруг изнутри кареты донесся странный шорох.

— Охрана! Защищайте Его Высочество! — тут же всполошился Чжоу Гуаньжу.

Но стоило занавеске колыхнуться, как наружу с громким хлопанием крыльев вывалилась маленькая короткокрылая алая птица. Прокатившись по дорожной пыли и наглотившись песка, она прямо на глазах изумленной стражи обернулась юношей в красных одеждах.

— Пф-ф! Тьфу, тьфу!

Цзюнь Жухэн яростно отплевывался от дорожной пыли, его лицо позеленело от тошноты. Внезапно он замер, бесцеремонно оттолкнул остолебеневшего Чжоу Гуаньжу и, вцепившись в придорожную межу, согнулся пополам. Его едва не вывернуло наизнанку.

— Проклятая тряска... Чуть душу не вытрясла...

Чу Яо бережно, размеренными движениями принялся гладить его по спине. В его голосе зазвучало весьма правдоподобное удивление:

— А-Хэн? Как ты здесь оказался?

Цзюнь Жухэн при этих словах мгновенно вспыхнул от злости:

— У тебя еще наглости хватает спрашивать! Чу Чжибай, почему ты уехал и не взял меня с собой?! Если бы я случайно не наткнулся на доклады в твоём кабинете, так бы и сидел в неведении, что ты упылил в такую глушь! Ты ведь нарочно это сделал, верно? Хотел от меня отделаться?!

Гневная тирада, выпаленная на одном дыхании, заставила всех присутствующих оцепенеть. Вокруг воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь заунывным свистом северного ветра.

Постепенно пыл Цзюнь Жухэна угас, и до него дошло, что он устроил сцену при посторонних.

Не успел он сообразить, как загладить оплошность, как Чу Яо мягко спросил:

— Выходит, все это время ты прятался у меня под сиденьем?

Цзян Ли и остальные сопровождающие разом закашлялись, отводя глаза в сторону.

Цзюнь Жухэн открыл было рот, пытаясь подобрать слова, но тут вперед выскочил Чжоу

Гуаньжу и рухнул перед ним на колени.

— Спаситель! После расставания у дамбы Иньшань я и не смел надеяться на новую встречу! Небеса смилостивились над нами! — Чжоу Гуаньжу с силой прижался лбом к земле. — Этим поклоном я от лица десятков тысяч жителей Ганьчжоу благодарю вас за спасение наших жизней!

От столь яростного и искреннего земного поклона Цзюнь Жухэн невольно отшатнулся на полшага.

— Да встаньте же вы... Что вы делаете? Поговорим спокойно.

Чу Яо слегка прищурился, в его темных глазах вспыхнул живой интерес:

— Господин Чжоу, так вы с А-Хэном уже встречались раньше?

— Пятнадцать лет назад разразилась страшная беда, — взволнованно заговорил Чжоу Гуаньжу. — Дамбу Иньшань прорвало, и хлынувшая вода затопила восемь уездов Ганьчжоу. Тогда именно вы...

— Господин Чжоу! — резко прервал его Цзюнь Жухэн.

Он и сам толком не понимал, откуда взялась эта паника, но внутренний голос кричал, что при Чу Яо ни в коем случае нельзя упоминать о разрушении дамбы ради изменения чужой судьбы.

Чжоу Гуаньжу осекся на полуслове и робко скосил глаза на Наследного принца, пытаясь угадать его реакцию.

Лицо Чу Яо оставалось спокойным. Он взял Цзюнь Жухэна за руку и привычным жестом спрятал их переплетенные пальцы в широком рукаве своего халата:

— Неужели твое прошлое — это тайна, которую мне ни за что нельзя раскрывать?

Цзюнь Жухэн промолчал. Честно говоря, ему и самому было безумно любопытно узнать, что же произошло тогда.

Чжоу Гуаньжу взял себя в руки и, тщательно подбирая слова, продолжил уже тише:

— Пятнадцать лет назад наводнение опустошило четыре уезда. Гарнизон был малочислен, а я... я проявил непростительную слабость. Мне оставалось лишь бессильно наблюдать, как гибли невинные люди, а земля погружалась во тьму.

Голос чиновника дрогнул, в горле застрял комок.

Чу Яо слушал его бесстрастно, словно чужую, далекую историю.

Однако Цзюнь Жухэн почувствовал, как длинные пальцы, лениво ласкавшие его ладонь под прикрытием шелка, замерли.

— Вода бурлила, сметая все на своем пути. Затопило десятки деревень и пашен, а следом поползла зараза, вспыхнула моровая язва. Если бы... — Чжоу Гуаньжу шмыгнул носом, едва сдерживая слезы. — Если бы не наш спаситель, который в одиночку сумел закрыть брешь в дамбе, а потом еще семь дней и ночей не смыкал глаз, вытаскивая больных из лап смерти. Вы подарили Ганьчжоу второе рождение! Будь моя воля, я бы всю жизнь отработывал этот долг перед вами!

Цзюнь Жухэн опешил.

"Это... неужели все действительно сделал я?"

[Да...] — в сухом голосе Системы отчетливо сквозило смущение.

"Ты же уверяла, что духовная птица — закоренелый злодей и эгоист! И спасти людей мне строго-настрого запрещено! Тебе что, нравится каждый раз устраивать пляски в моей голове?"

Система ненадолго умолкла, словно тихо вздохнула, а затем и вовсе ушла в глухую оборону, погрузившись в долгое молчание.

"Бессовестная железка!" — мысленно выругался он.

Взгляд Чжоу Гуаньжу потеплел, от прежней фальшивой вежливости не осталось и следа:

— Благодетель, раз уж судьба вновь привела вас в наши края, позвольте мне отплатить вам хотя бы толикой гостеприимства.

Цзюнь Жухэн невнятно промычал что-то в ответ и невольно скосил взгляд на Чу Яо.

Тот стоял неподвижно, устремив взор вдаль, где высились мрачные силуэты гор. На этом суровом фоне его одинокая фигура казалась странно покинутой и печальной.

Прием в казенном подворье устроили скромный, как и просил Наследный принц, однако радушие хозяина лилось через край. Чжоу Гуаньжу без устали поднимал чаши за здоровье спасителя, поминая всех своих предков до восьмого колена. Цзюнь Жухэна напоили до такого

беспамятства, что, едва добравшись до отведенных им лучших покоев подворья, он наугад ткнулся в первую попавшуюся дверь.

За расписной ширмой в комнате уже ждала бадья с горячей водой.

Цзюнь Жухэн пьяно ухмыльнулся, мысленно похвалив Чжоу Гуаньжу за предусмотрительность, быстро скинул пояс и скользнул в воду.

Горячая вода заставила его мгновенно сжаться, но уже через мгновение тело расслабилось, блаженно обмякнув. Пьяный жар начал выходить через поры. Юноша покраснелся то ли от хмеля, то ли от пара: кожа порозовела, а мочки ушей и вовсе горели пунцовым огнем.

Он разомлел настолько, что даже не повернул головы на тихий скрип открывшейся двери.

Зашедший в комнату Цзян Ли нес чистые одежды, но, услышав плеск воды, замер. Помня о строгих правилах Наследного принца, он аккуратно опустил поднос и остался ждать за ширмой.

— Владыка, отрезвляющий отвар и успокоительный порошок готовы, как вы и приказывали. Лекарь Чи перед отъездом предупреждал: обычную дневную дозу порошка следует сократить вдвое, если принимать его вместе со средствами от похмелья.

Хмель в голове Цзюнь Жухэна тут же улетучился.

Последнее время его терзали кошмары, и этот порошок предназначался именно для облегчения его недуга. Раз Чу Яо заранее велел приготовить лекарство... неужели он с самого начала знал, что птица увяжется за ним?

— И все же... — голос верного стражника зазвучал нерешительно. — Если у Вашего Высочества есть сомнения, почему бы не спросить его напрямую? Духовная птица предана вам всей душой, он не станет ничего утаивать.

Цзюнь Жухэн погрузился в воду по самый нос, растерянно хлопая ресницами.

В следующий миг до него дошла очевидная истина. Поимка принца Яня — дело государственной важности. Секретный указ, предназначенный для императорского взора, должен был немедленно отправиться на границу. Каким образом этот документ мог пролежать всю ночь на самом видном месте в Обители Созерцания Волн, так удачно попавшись ему на глаза?

Ответ был один: Чу Яо намеренно оставил его там, желая проверить, последует ли за ним его маленький пленник.

С тихим плеском Цзюнь Жухэн вынырнул и положил локти на край бадьи, погрузившись в раздумья среди клубящегося пара.

С тех пор как раскрылось, что он шпион, Наследный принц ни разу не устроил ему допроса. Доверие доверием, но будущий повелитель империи не мог быть наивным простаком, готовым слепо потакать чужим капризам.

Должно быть, он просто ждал, когда Цзюнь Жухэн решится на чистосердечное признание.

Юноша горько усмехнулся. Чу Яо всегда оставался безупречным и деликатным, не желая ставить его в неловкое положение. Но ведь только тот, кто готов открыть душу без остатка, любит искренне.

— Кроме того, те сведения об Огненных со...

— Цзян Ли, — негромко перебил его Чу Яо, но в его мягком тоне слышалась неодолимая сила.

Телохранитель мгновенно подобрался. Осознав, что в бадье сидит посторонний, он потянулся к рукояти меча, но Наследный принц остановил его легким движением руки и кивком указал на дверь. Цзян Ли бесшумно исчез.

— Если я скажу, что перепутал комнаты и залез не в свою купальню, ты согласишься? — Цзюнь Жухэн неловко повернулся.

Бадья была тесной, и от его неловкого движения вода забурлила, очерчивая изящный изгиб поясницы. Понимая, что сквозь густой пар Чу Яо вряд ли разглядит его наготу, юноша все равно поспешил стыдливо прикрыться руками.

Чу Яо слегка приподнял бровь, пряча усмешку за завесой влажного марева.

— Ты пил?

— Угу... — Цзюнь Жухэн почувствовал, как к щекам прилила новая волна жара. В его хмельном взоре сквозила ленивая нега, но смотрел он на принца на удивление серьезно. — А зачем ты снова бросил меня одного?

В его голосе слышалась детская обида. Впрочем, оба понимали: радушный прием Чжоу Гуаньжу устроил вовсе не ради Наследного принца, и Чу Яо на том празднике жизни был явно лишним.

Чу Яо небрежно подобрал полы халата и опустился на деревянный бортик купели. В руке он

держал небольшое блюдо с засахаренными плодами.

— Северо-западные вина крепкие и горькие на вкус. Сладкие фрукты — лучшее средство, чтобы унять жжение в желудке.

Спелые дольки мандаринов поблескивали под слоем знаменитой глазури из столичной лавки «Цзинхуачжай». Он умудрился везти лакомство через полстраны, от самого Цзиньлина.

Цзюнь Жухэн оперся руками о край бадьи и подался вперед. Мокрые черные волосы, словно разлитая тушь, облепили его плечи.

— Неужели у Вашего Высочества нет ко мне никаких вопросов?

Чу Яо нежно заправил влажную прядь ему за ухо и тихо спросил в ответ:

— А у А-Хэна есть то, чем он желает поделиться со мной?

Юноша покосился на аппетитные цукаты и подпер подбородок ладонью:

— Один плод в обмен на одну правду.

Чу Яо негромко рассмеялся:

— Звучит так, будто ты пытаешься выманить сладости у ребенка.

Но Цзюнь Жухэн упрямо надул губы, точь-в-точь капризное дитя:

— Сначала угощение, потом честный ответ.

Клубы пара сгустились, скрадывая выражение лица принца. На мгновение он задумался, затем тонкими пальцами подцепил один цукат.

— Твое появление в Восточном дворце — это затея моего дяди, принца Яня?

Цзюнь Жухэн послушно потянулся губами и слизнул лакомство. Приторная сладость тут же заполнила рот:

— Да. Чу Линьюй подослал меня, чтобы разузнать, где скрыта Драконья жила.

Губы юноши, влажные от вина и сиропа, коснулись пальцев Чу Яо. Тот задумчиво потер подушечки, ощущая легкую липкость.

— Почему же тогда в Цзичжоу ты переметнулся на мою сторону и помог подавить мятеж?

Ответа не последовало.

Чу Яо опустил взгляд. Цзюнь Жухэн приоткрыл рот, демонстрируя розовый кончик языка, и всем своим видом показывал: пока нет новой сласти — не будет и речей.

Дыхание принца на миг перехватило. Он взял следующую дольку мандарина, но не спешил отдавать. Вместо этого он сам откусил половину и лишь затем медленно поднес остаток к губам своего пленника.

Цзюнь Жухэн, не отрывая взгляда от его глаз, слегка склонил голову набок и уверенно перехватил зубами ту самую часть, которой только что касались губы Чу Яо.

Сладость оказалась концентрированной, почти удушающей, оставив после себя горькое послевкусие.

— Моя память была заблокирована. А когда воспоминания вернулись... все уже зашло слишком далеко.

Это признание означало лишь одно: он помог Наследнику не по доброте душевной, а просто по стечению обстоятельств. Однако Чу Яо, всегда умевший читать между строк, никак не выдал своего разочарования. На его лице не отразилось ни тени досады, отчего у Цзюнь Жухэна на душе почему-то сделалось пусто и тоскливо.

— В таком случае... скрываешь ли ты от меня что-то еще, А-Хэн? — внезапно посерьезнел Чу Яо.

Сердце Цзюнь Жухэна бешено заколотилось. Преодолевая неловкость, он выдавил:

— На самом деле я отправился за тобой, чтобы...

Чу Яо резко придвинулся к нему. От неожиданности Цзюнь Жухэн едва не отпрянул, растерявшись под его пронзительным взглядом.

Но принц лишь обезоруживающе улыбнулся:

— Ах, прости. Я и забыл наше правило: один вопрос — одно лакомство.

Юноша мысленно перевел дух.

Однако их позы теперь выглядели слишком двусмысленно. Рука Чу Яо зависла в опасной близости. Стоило Цзюнь Жухэну приподняться из воды, как его импровизированное укрытие полностью исчезло бы из виду. А если просто вытянуть шею... Эта картина живо предстала перед его мысленным взором: он будет выглядеть как домашний зверек, выпрашивающий подачку. Насупившись, Цзюнь Жухэн нырнул обратно в глубину бадьи и, словно юркая рыба, переплыл на противоположную сторону, подняв тучу брызг.

— Я здесь ради Чу Линьюя. Хочу вернуть украденную им часть своей души и прежнюю память.

Разумеется, конечной целью по-прежнему оставались Ось Девяти Инь и Драконья жила, но об этом он промолчал. Пусть они оба искали одно и то же, Цзюнь Жухэн отчаянно не хотел, чтобы Чу Яо считал его сообщником мятежного принца Яня.

Чу Яо долго и пристально вглядывался в его лицо, словно пытаясь распознать ложь. Но мгновение спустя он мягко улыбнулся и взял последнюю дольку мандарина. Его голос прозвучал ласково, как у взрослого, уговаривающего капризное дитя:

— Ну же, не дуйся. Подойди ко мне.

Поистине, улыбка красавца — самый опасный клинок. Вся спесь и раздражение Цзюнь Жухэна растаяли без следа под этим теплым взглядом.

Он нехотя подплыл ближе, приподнялся и кончиком языка медленно коснулся цуката. Он слизывал сладкую глазурь не торопясь, пока пальцы державшего плод принца не увлажнились от его горячего дыхания.

Когда Чу Яо попытался отдернуть руку, юноша торжествующе прищурился и ощутимо прикусил его пальцы, являя свой истинный, мстительный нрав.

Принц даже не поморщился от боли. Напротив, он протолкнул пальцы глубже, лаская его язык. От этого бесстыдного вторжения Цзюнь Жухэн поперхнулся, по подбородку потекла слюна, а глаза мгновенно увлажнились от слез.

В этот самый момент за расписной ширмой заплясали тени, и донесся взволнованный голос Чжоу Гуаньжу:

— Докладываю Вашему Высочеству! Простите за столь поздний визит, но дело не терпит отлагательств, я... — Помощник управителя Чжоу осекся на полуслове. Повисло долгое молчание, после чего он робко добавил: — Пожалуй, я зайду завтра утром.